

от 22 МАЯ 41 1

ТЕАТР ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

26 „Дворянское гнездо“

Сонный, поросший золотистыми кувшинками пруд чуть колышет отражение кривых столетних вызов, одиноких берез, кустов жимолости. Ни звука. Тихое увядание, полное светлой грусти и какого-то покорного примирения, накладывает печальную печать и на пруд, и на деревья, и на прогнивший мостик, и на замшелое ненужное бревно. Старое дворянское гнездо.

Во второй половине прошлого века, в таких оскудевших поместьях жили люди, уже обреченные историей: они вкусно ели и пили, раскладывали пасьянсы, вышивали, играли на фортепиано, читали французские романы, злословили, любили, умирали.

Странные, пенужные люди. Жизнь рушила их привычный уклад, вносила смятение в их отстоявшийся быт, а некоторые из них, — разочарованные, грустные, лишние люди, — мечтали о несбывшемся счастье, предавались тихому созерцанию, надевали на себя «вериги долга» и молились, веря в высокую предопределенность человеческих судеб.

Роман «Дворянское гнездо» Тургенев задумал в начале 1856 года и работал над ним около трех лет. Тенистые старые парки, тихие пруды, дома с колоннами, нежные девушки в белых платьях, грустные мечты о счастье, — все это было близко к дорогому писателю и все это он воспеив в своем романе. Но, вместе с тем, Тургенев видел и понимал неизбежность увядания дворянских гнезд, и своим романом пропел поэтическую отходную усадебному миру. Этот роман — изумительный по тонкости психологического рисунка — лебединая песня дворянских гнезд.

Ростовский театр Ленинского комсомола завершил нынешний сезон показом спектакля «Дворянское гнездо» (инсценировка П. Соболевского-Самарина).

Режиссер-постановщик Ильин проделал большую работу и добился известной художественной выразительности спектакля.

Разумеется, как и всякая переработка, инсценировка Соболевского-Самарина не отражает широту и многогранность турге-

«Дворянское гнездо» в постановке театра Ленинского комсомола. В роли Лизы — арт. Н. С. Знаменская, в роли Лаврецкого — арт. Н. И. Гарин.

Фото С. Жирнова.

невского романа; достаточно сослаться лишь на то, что из инсценировки выпали даже такие образы, как друг Лаврецкого — Михалевич, лицо, в значительной степени поясняющее характер самого Лаврецкого. Но не будем придирчивы и посмотрим, как театр раскрыл тему, предложенную инсценировщиком, — трагедию Лаврецкого и Лизы, чьи стремления к личному счастью столкнулись с жизненными невзгодами и с «веригами долга».

Роль Лаврецкого исполняет артист Гарин. Чуть заметная медлительность, простота и скупость жестов, благородная сдержанность и мужественность, — все это превосходно рисует облик Лаврецкого, этого умного и грустного, ищущего и страдающего человека, который в последний раз был обманут светлым призраком счастья. Гарин правильно оттеняет искренний патриотизм Лаврецкого, его любовь к русскому мужику, к родной русской природе, к своей родине. Горечью и печалью насыщает артист слова Лаврецкого о том, что чиновники не знают своего отечества и не любят его. Может быть, Гарину не излишне было бы усилить ощущение короткого счастья Лаврецкого в пору, когда он узнает о любви Лизы к нему.

Лизу играет артистка Знаменская. Лиза — один из самых сложных и значительных характеров романа; этот образ Тургенев обычно ставил в центре «Дворянского гнезда»: — «Я теперь занят... большою повестью, — писал он, — главное лицо которой — девушка, существо религиозное. Я был приведен к этому лицу наблюдениями над русской жизнью».

Знаменская с тактом играет Лизу, из-

бращая ее лиризм, некоторую наивность и трогательное целомудрие. И все таки, хотелось бы, чтоб Лиза приобрела в толковании Знаменской черты более глубокой созерцательности, выражения того постоянного внутреннего раздумья, которое накладывает на этот образ печать светлой мечтательности. Немного спорно и то выражение крайней религиозной одержимости, которым Знаменская завершает спектакль: надрывный крик — «так надо, так надо» (об уходе в монастырь) ставит Лизу на грани болезненного фанатизма и несколько не является следствием долгого раздумья и выполнением решения, принятого со спокойной и тихой грустью. Словом, хорошо задуманный образ Лизы должен еще найти черты, поднимающие общее его значение и приближающие его к авторскому замыслу.

Тургенев очень тщательно и обдуманно рисовал образ Панишина. Характер Панишина во многом служит ответом на то, почему писатель отнес действие романа к 1842 году, т. е. ко времени наиболее ожесточенных споров славянофилов и западников. Активный западник, ненавидевший крепостничество и очень любивший европейскую культуру, Тургенев в середине 50-х годов отважился в образе Панишина высмеять крайние и пошлые стороны той части западников, которая, молясь на Европу, ненавидела свою страну. Больше того: Панишиным писатель едко изобличал николаевское чиновничество — его отчужденность от народа, карьеризм, ничегонеделанье.

К сожалению, тургеневский Панишина в спектакле нет. Артист Сумароков ничего

не нашел в Панишине. Вместо умного, расчетливого, прощительного, холодного и хитрого, смелого и решительного человека, Сумароков показывает пустого фанфарона, который поминутно становится в позу. Такое поверхностное толкование Панишина мельчит не только этот образ, но и образ Лизы.

Артистка Светлова хорошо играет Марфу Тимофеевну. Зрители заслуженно награждают артистку аплодисментами: Светлова просто и красочно рисует внешне суровый характер Марфы Тимофеевны, ее жизнерадостность, ум, простоту, чисто народную насмешливость.

Следует отметить удачу артиста Смоленского, исполняющего роль Лемма. Образ старого немца-идеалиста, талантливого музыканта, внешне сурового, но в действительности мягкого и доброго мечтателя — в основном понят актером. И если артист Смоленский избавится от некоторой торжественности (что лишает Лемма свойственной талантливому человеку мощи) и отыщет необходимые для Лемма черты несколько угрюмой резкости, он добьется подлинного успеха.

Довольно мелок и явно припущен в спектакле образ жены Лаврецкого Варвары Павловны (артистка Озерова). Вместо хищной и обаятельной интриганки, львицы парижских салонов, зрители увидели немножко легкомысленную кокетку, играющую Магдалину. Причем, Озерова в диалоге с Лаврецами слишком тенденциозно обнажает игру Варвары Павловны. Эта игра должна быть значительно тоньше и коварнее.

И, наконец, особо следует отметить очень хорошее оформление спектакля. Художник Рудов с большим вкусом и изяществом передал колорит эпохи: старые каменные вазы, темные силуэты дам и кавалеров, заключенные в голубые и сиреневые рамки, прозрачные беседки в парке, — все это служит превосходным фоном дворянского гнезда. Особенно хороши две картины: сцена у пруда в усадьбе Лаврецкого и ночной парк в доме Калитиных.

Все перечисленные выше недочеты могут быть устранены театром, и тогда спектакль, уже сейчас заслуженно пользующийся успехом у зрителя, станет значительно лучше.

В. ЗАКРУТКИН.